

П.Н. Краснов

**От двуглавого орла к
красному знамени; 1894-1921**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Краснов**
От двуглавого орла к красному знамени; 1894-1921: Том 1 / П.Н. Краснов –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 550 с.

ISBN 978-5-517-98385-5

ISBN 978-5-517-98385-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

второго сорта, но все таки своя, буржуйская. какъ презрительно отзывались о нихъ на станціи товарищи солдаты. Молодой офицеръ кубанецъ, ѣхавшій хотя и безъ оружія и безъ погонъ, но въ черкескѣ съ гозырями и съ нимъ его жена, изъ простыхъ хохлушекъ; маленькая по очень юркая и находчивая старушка, наконецъ, еще мелкій телеграфный чиновникъ съ женою, очень неряшливой женщиной съ ребенкомъ, грязнымъ и неопрятнымъ.

Всѣ эти люди, въ сумракѣ вечера, при помощи станціонной прислуги прицѣпили вагонъ къ поѣзду и, помогая другъ другу, втащили свои вещи и стали устраиваться на черномъ досчатомъ полу, покрытомъ угольными крошками. У самой стѣны усѣлся старикъ, посадившій подлѣ себя пѣвицу. Тутъ же сбоку устроились братья и сестра Полежаевы. Инженеръ Арцхановъ изъ своей шубы и какихъ то пледовъ устроилъ нѣкоторое подобіе ложа для своей болѣзненной спутницы, а самъ сѣлъ у нея въ головахъ,—словомъ, каждый устроился такъ, что могъ и лежать и сидѣть, а въ серединѣ вагона и у дверей, изъ которыхъ дуло, оставили свободный проходъ.

И только устроились и Арцхановъ, приклеивши свѣчку къ краю вагоннаго переплета, началъ расглаживаться, вслухъ мечтая о томъ, какъ онъ закутить, какъ подлѣ вагона собралась громадная, человекъ въ триста, толпа солдатъ, тоже хотѣвшихъ ѣхать на югъ и устроился митингъ. Больше всѣхъ волновался, шумѣлъ и возбужденно кричалъ, молодой красивый солдатъ съ очень блѣднымъ лицомъ съ тонкими, но искаженными порокомъ, чертами и блестящими сѣрыми глазами. Былъ онъ хорошо одѣтъ въ шинель и папаху, сдвинутую на затылокъ. Изъ подъ папахи выбивался подвитой клокъ волосъ. Сухое, нервное лицо его постоянно передергивалось отъ волненія.

—Товарищи!, кричалъ онъ,—мы всѣ, представи-
тели трудового народа, имѣемъ желаніе ѣхать на югъ
по своимъ домамъ. А между тѣмъ, что же мы ви-
димъ, товарищи? Представители капитала, люди,
которые имѣютъ деньги, уже устроились по ваго-
намъ, а мы ждемъ на морозѣ и снѣгу. Товарищи!
Правильно это или нѣтъ?

— Мы въ окопахъ сидѣли, кровь проливали, а
они на нашей крови наживали, да брюхо набива-
ли, — мрачно сказалъ пожилой угрюмый солдатъ съ
большимъ мѣшкомъ за плечами и съ винтовкой въ
рукахъ.

— Мало, что-ль кровушки нашей попили, прого-
ворилъ солдатъ съ плоскимъ лицомъ и блѣдно сѣ-
рыми злобными глазами, глядѣвшими кругомъ съ
непримиримой ненавистью.

— Что церемонію съ ними разводить, товарищи,
воскликнулъ первый говорившій — давайте повы-
кидаемъ буржуевъ вонъ, а сами поѣдемъ.

— Чего вздоръ молоть, сказалъ высокій и сохра-
нившій еще выправку солдатъ, — тоже люди. Тамъ
женщины есть, съ дѣтями. Выкидать! Имъ тоже
нужда ѣхать. Потѣснимся, намъ не въ первый разъ
привыкать.

— Ахъ ты, рабская душа!, сплюнулъ злобный
солдатъ. Всѣхъ выкидать безпремѣнно Чего во-
зиться то!

— Али, товарищи, вещи повыкидывать, пусть
безъ вещей ѣдутъ съ одною котомкой, — весело
крикнулъ молодой солдатъ, тоже съ ружьемъ и раз-
смѣялся широко раскрывши ротъ и такъ оскаливая
крупные ровные зубы, что они и въ сумракѣ бле-
стѣли.

— Ну, вали, товарищи, чего время терять.

Толпа навалилась, дверь, которую пробовалъ
придержать телеграфный чиновникъ распахнулась
и въ вагонъ, кто подсаживаемый товарищами, кто
грудью наваливаясь въ полъ стали влѣзать солда-
ты. Ни самихъ пассажировъ, ни ихъ вещей, однако,

не тронули, но стѣснили ихъ такъ, что они сидѣли, чуть не другъ на другѣ. Толстаго и коротконогаго Каппельбаума усадили въ углу на его чемоданѣ, поставленномъ стоймя такъ, что онъ ногами не доставалъ до пола. Болѣзненную даму заставили подняться и сѣсть.

— Нечего тутъ разлеживаться, — говорилъ, обходя вагонъ молодой солдатъ.

— Развѣ не видите, что она больная, сказалъ Арцхановъ.

— Я самъ нездоровый, злобно сказалъ солдатъ съ блестящими сѣрыми глазами.

Когда вагонъ набился до отказа, такъ, что многимъ уже нельзя было сидѣть и приходилось стоять, сами солдаты заперли дверь и перестали пропускать больше, отстаивая и свои интересы и интересы, попавшихъ раньше пассажировъ.

Но тутъ оказалось, что въ вагонъ попало двое китайцевъ, а третій ихъ товарищъ, притомъ не говорящій по русски остался одинъ на станціи и теперь стучалъ и ломился въ вагонъ, требуя, чтобы его пропустили.

Его товарищъ, уже устроившійся на полкѣ завопилъ дикимъ голосомъ.

— Плопусти. Это моя товарища, вмѣстѣ ѣдемъ.

— Надо впустить его, вмѣшалась и жена телеграфиста — какъ же онъ одинъ то будетъ, коли языка не знаетъ.

— Впустить, или всѣхъ ихъ къ чортовой матери вышвырнуть, — сказалъ злобный солдатъ.

— Да, что одинъ человекъ сдѣлаетъ, впустить! — раздались голоса.

Дверь пріоткрыли и въ вагонъ, въ который казалось ничего нельзя было больше пропихнуть, протискался еще и третій китаецъ, сейчасъ же залопотавшій по китайски со своими товарищами.

Озлобленіе не улегалось. Бу р ж у и стѣсняли и вопросъ о томъ, чтобы ихъ выбросить былъ поднятъ снова.

Молоденькая Оля Полежаева дрожала, какъ въ лихорадкѣ и все говорила своему старшему брату, Никѣ.

— Mais sortons donc, retournons à Moscou, je ne puis plus rester ici.

— Успокойся, Оля, — отвѣчалъ тихо, по Русски, ея братъ. Все образуется. Вѣдь не звѣри же.

— Ахъ, я такъ боюсь. . . боюсь.

Сѣдой господинъ неподвижно сидѣлъ у стѣны и старался быть въ тѣни, внѣ свѣта зажженной Арцхановымъ и телеграфистомъ свѣчей. Каппельбаумъ рѣшительно вступился за свои права. Сидя на нѣкоторомъ возвышеніи и сердито сверкая глазами изъ за золотыхъ очковъ онъ обратился вдругъ къ солдатамъ.

— Какъ же это можно, товарищи, насъ вышвырнуть? Да по какому праву? у меня билетъ I класса до самаго Ростова, у меня плацъ карта, я еще здѣсь на станціи заплатилъ за этотъ вагонъ сорокъ рублей и меня вышвырнуть!? Это какая же справедливость? я спрошу, — у васъ билеты есть?

— А ты на войнѣ воевалъ? Въ окопахъ сидѣлъ? А? Вши есть у тебя, есть? А?, вдругъ напустился на него злобный солдатъ.

— Капиталистъ! — сказалъ молодой солдатъ, который смѣялся на платформѣ.

Каппельбаумъ весь вскипѣлъ.

— Вы почему же знаете, что я капиталистъ? Вы у меня деньги считали?

— Ишь, брюха толстая — вотъ те и капиталистъ, — смѣясь сказалъ солдатъ.

Въ разговоръ вмѣшался Арцхановъ. Его передергивало, онъ давно уже хотѣлъ образумить этихъ людей, но его спутница отговаривала его, увѣряя, что только хуже будетъ.

— У васъ у кого брюхо толстое, тотъ и капиталистъ, вдругъ выкрикнулъ онъ, — а я кто же по вашему?

— Буржуи — презрительно сказали, сплевывая сѣмячки солдатъ со злыми сѣрыми глазами.

— Почему? Это доказать надо?, сказали Арцхановъ.

— Чего тамъ доказывать. По платью видать и такъ.

— Ничего не видно. Я, товарищи, на фабрику служу. Я такой же пролетарій, какъ и вы. Я такъ же, какъ и вы нахожусь въ зависимости отъ капитала. Вотъ вы меня, товарищи, вышвырнуть хотѣли. А я выборный отъ союза рабочихъ, я везу важные постановленія, рабочіе меня ожидаютъ, а вы — вышвырнуть!

— Завелъ шарманку, — сказали злобный солдатъ. — Ты мандатъ покажи.

— Не говорите мнѣ ты я вамъ вы говорю.

— А я тебѣ — ты.

— Оставьте его, Михаилъ Ивановичъ, шептала болѣзненная дама, — умоляю васъ.

Но Арцханова остановить было нелегко. Онъ весь кипѣлъ возмущеніемъ.

— А по какому праву?, воскликнулъ онъ.

— А по такому, что ты буржуй.

— Что же буржуи не люди что ли?, воскликнулъ Арцхановъ.

— Извѣстно не люди, — раздались голоса въ разныхъ концахъ вагона.

— Да чего, товарищи, съ ними говорите, пора ихъ вышвыривать — крикнулъ кто то изъ толпы.

— Уйдемъ, уйдемъ, Ника, молила Оля Полежаева, кладя свою руку на руку брата. — Вѣдь это ужасно.

— Ничего, ничего, милая Оля — все образуется. Это только ихъ *manière de parler* — ничего они съ нами не сдѣлаютъ.

Въ разговоръ вмѣшался молодой красивый солдатъ съ лицомъ источеннымъ порокомъ.

— Пусть ѣдутъ, — покровительственно сказалъ онъ. — Въ пути мы разберемъ, кто ѣдетъ по своимъ

злымъ . . . кто отправляется, чтобы пить народную кровь, то пособникъ Корнилова и Калѣдина и хочетъ отнимать землю у крестьянина и въ угоду капиталистамъ продолжать эту убійственную войну.

— Правильно, товарищъ, — сказалъ злобный солдатъ. — И уже ежели кто только подлинный буржуй, кажется, своими руками задупу его!

— Да за что, — сказалъ Каппельбаумъ.

Солдатъ повернулъ къ нему озлобленное лицо. При свѣтѣ огарковъ, казалось, что глаза его бросали молніи.

— За что? — сплюнулъ онъ полный величаваго презрѣнія. — За гнетъ, за обманъ. . . Мало кровушки нашей крестьянской они попили! Мало держали пародъ въ темнотѣ. Нѣтъ! Довольно намъ гнета царизма, свергли мы Николашку и больше никто издѣваться надъ нами не будетъ. Мы съумѣемъ своими солдатскими руками отстоять революцію.

Столько злобы и ненависти было и въ словахъ его и въ тонѣ голоса и особенно въ выраженіи его лица, ненавидящаго до боли, до самозабвенія, что въ вагонѣ всѣ притихли.

— А вы, товарищъ, воевали?, вдругъ спросила маленькая старушка въ платкѣ, опять таки ловко протиснувшись и страшно стѣсняя, чуть не на колѣни садясь къ Олѣ Полежаевой, обращаясь угодливо къ молодому рослому солдату съ гвардейскими петлицами на шинели.

— Воевалъ, неохотно отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ же?

— Въ Питербурхѣ, когда права народныя брали.

— Ахъ ты, Боже мой, засуетилась старушка. — Вотъ страсти то!

— Ну чего страсти, — сказалъ солдатъ. — Больше вѣдь безоружныхъ били. И я городского штыкомъ цапнулъ.

— А онъ что?

— Ничего. Кровь фонтаномъ, какъ изъ свиньи. Онъ въ штатскомъ былъ.

— Въ штатскомъ? А почему же вы узнали, что онъ городской.

— Женщина указала. Я иду, онъ навстрѣчу, женщина одна и говоритъ мнѣ — смотрите — тотъ рыщъ, это городской? Ну я штыкомъ его въ грудь удари.

Поѣздъ все стоялъ, не двигаясь. Устроившись, солдаты начали бѣгать за кипяткомъ и рослый солдатъ, сохранившій выправку предложилъ и буржуа ямъ принести кипятку. На доскахъ наверху китайцы ссорились между собою и говорившій по-Русски китаецъ, указывая на своего пріятеля говорилъ солдатамъ.

— Моя лаботникъ — а это булжуй; купеза.

— Ты откуда же, ходя?, спрашивалъ у него солдатъ съ круглымъ веснушчатымъ лицомъ.

— Моя Шанхай. Онъ — Халбинъ. Купеза — булжуй? . . .

И онъ тыкалъ пальцемъ въ лежащаго китайца. —

— Нѣтъ холосо! Булжуй.

Тотъ вскочилъ и сталъ ругаться. Спокойныя лица китайцевъ вдругъ исказились злобой и солдаты смѣясь стали стравливать ихъ между собою.

Оля Полежаева смотрѣла на все, что происходило передъ нею на маленькомъ пространствѣ вагона и тоска и недоумѣніе отражалось на ея юномъ лицѣ. Почему это такъ? Откуда эта страшная ненависть однихъ людей къ другимъ, не всѣ ли они братья во Христѣ, не всѣ ли одинаково Русскіе, страдающіе Русскіе люди. Но почему солдаты такъ ненавидятъ ихъ всѣхъ и откуда, откуда явилось это слово «бу р ж у и». Были крестьяне, дворяне, мѣщане, были сословія и какъ то уживались между собою. Можетъ быть и много было несправедливаго въ ихъ отношеніяхъ, ненормальнаго и жестокаго, но злобы не было... Ея братъ Ника рассказывалъ ей, какъ трогательно на войнѣ его деньщикъ заботился о немъ и какъ нянька ходилъ за нимъ. Въ бою солдаты прикрывали своимъ тѣломъ офицеровъ, чтобы спа-

сти ихъ отъ удара врага . . . Она сама, молоденькая Оля Полежаева каждый день ходила въ лазаретъ и писала письма и читала солдатамъ книги, приносила имъ бѣлый хлѣбъ, фрукты и какъ ее любили! Неужели — все, что она видала за свои девятнадцать лѣтъ — была ложь, а правда въ этомъ новомъ дѣленіи людей на два ненавидящихъ другъ друга класса бружуевъ и пролетаріевъ, неужели правда въ этомъ слѣпомъ преслѣдованіи капиталистовъ?

Вагонъ затихалъ. Кое кто, свернувшись на своихъ кулечкахъ и укладкахъ дремалъ. Солдатъ со злыми глазами сидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ Оли и смотрѣлъ вдаль, думая какую то свою угрюмую думу. Противъ него сидѣлъ тотъ, который хвастался тѣмъ, что онъ убилъ городского. Китайцы продолжали ругаться. Ника и Павликъ, прижавшись другъ къ другу, дремали.

Оля посмотрѣла на нихъ, потомъ на солдата, потомъ на старика, сидѣвшаго рядомъ съ пѣвицей, на толстаго Капельбаума, застывшаго въ позѣ буддійскаго бога и вдругъ странная мысль мелькнула у ней въ головѣ и стала развиваться и выростать.

Вотъ этотъ, думала она, глядя на солдата, убившаго городского — этотъ все можетъ. И тотъ, что такъ злобно смотритъ вдаль тоже вездѣ найдетъ и вездѣ справится. Брось его на необитаемую землю — онъ и тамъ сѣумѣетъ первобытными орудіями, которыя самъ же и смастеритъ обработать землю, собрать урожай, смолоть муку и спечь хлѣба. Онъ умѣетъ убить животное, содрать съ него шкуру, очистить и приготовить пищу. Онъ выкопаетъ землянку, построитъ жилище, найдетъ топливо: — онъ проживетъ. Это та страшная рабочая сила, которая кирпичъ за кирпичемъ терпѣливо складывала храмы и дворцы, которая укладывала рельсы, изъ полосъ желѣза и стали ковала паровозы, которая пахала, сѣяла, молотила, молола, пекла, которая кормила и согрѣвала весь міръ . . .

Найдется ли она, или Павликъ, или Ника, или вотъ хотя бы этотъ господинъ съ благородной осанкой стараго военнаго и маленькими породистыми руками, если ихъ лишитъ всякой помощи со стороны. Оля вспомнила какъ Ника, убивши зайца на охотѣ, несъ его къ кухаркѣ, такъ какъ ни выпотрошить, ни ободрать его онъ уже не могъ и не умѣлъ... Сможетъ Ника построить домъ, приготовить пряжу, ткать матерію и сшить себѣ платье?

Она даже внутренне разсмѣялась отъ этой мысли. Ни онъ, ни она, ни этотъ важный господинъ, что такъ умно смотритъ вдаль печальными сѣрыми глазами не могутъ и не знаютъ ничего. Они — паразиты въ этомъ мірѣ. Они — буржуи. И все то, что работаетъ и можетъ жить самостоятельно, не прибѣгая къ посторонней помощи ненавидитъ ихъ за это и считаетъ ихъ эксплуататорами, считаетъ кровопийцами. Надо стать, какъ они. Надо опроститься — самой убирать свою постель, стирать бѣлье, смотрѣть за полемъ, огородомъ и скотиной, готовить обѣдъ, обшивать себя и тѣхъ, кто работаетъ въ полѣ, работать цѣлый день, не покладая рукъ, какъ то дѣлаютъ крестьянки. Господи! да и дня тогда не хватитъ. А когда же читать, изучать языки, когда же думать, гулять, любоваться красотою Божьяго міра и претворять эту красоту въ иѣсни, стихи, думы, музыку, краски картинъ, и линіи статуй и здашій? Когда же изучать и отыскивать божество и повиноваться его законамъ? Тогда, значитъ, весь міръ долженъ пасть до уровня этихъ людей и обратиться только въ одну притупляющую работу для добычи себѣ пищи: — ни поэзіи, ни искусства, ни религіи, ни красоты... К р а с о т ы м і р а не будетъ...

Она смотрѣла на лица злобнаго солдата и того рослаго парня, который хвастался тѣмъ, что заколотъ штыкомъ городского. Ихъ лица были красивы, но и топорно грубы. Они гармонировали съ грубыми солдатскими шинелями, но представила ихъ у

себя въ гостиной, въ офицерскомъ платьѣ, или въ изящномъ штатскомъ костюмѣ и почувствовала, что это не возможно. Картинами каменнаго вѣка, первобытными людьми, вѣяло отъ этихъ рѣзкихъ очертаній лицъ, отъ большихъ челюстей, здоровыхъ крупныхъ зубовъ, череповъ, нависшихъ прочною лбною костью надъ глазами впадинами и густыхъ жесткихъ волосъ. Жизнь и тѣла ихъ приспособила для работы для тяжелаго физическаго труда.

Оля вспомнила одну сцену изъ своего ранняго дѣтства, оставившую слѣдъ и на дальнѣйшую жизнь. Ей было четыре года. Вырвавшись отъ няньки она убѣжала на дворъ и усѣлась рядомъ съ такою же четырехъ лѣтней малюткой, дочерью кухарки, Катю. Кухарка на дворѣ рубила головы курамъ. Положить бьющуюся курицу головою на ступени крыльца, вытянетъ ей шею и ударитъ острою тупкой. Хорошенькая куриная головка съ алымъ гребешкомъ и черными окаймленными желтымъ глазами падаетъ на песокъ и нѣсколько секундъ мигаютъ тусклѣющіе глаза. А курица, пущенная кухаркой вдругъ вскакиваетъ и бѣжитъ безъ головы по двору, странно взмахивая крыльями. Изъ шеи течетъ кровь. Потомъ она падаетъ и затихаетъ. Катя въ восторгѣ хлопаетъ въ ладоши и радостно смѣется. Она поднимаетъ головки, смотритъ въ ихъ мигающіе глаза. Ея пальцы въ крови... Четырехъ лѣтней Олѣ дѣлается дурно и со страшнымъ крикомъ въ нервномъ припадкѣ она падаетъ на песокъ. И долго потомъ ее кошмаромъ мучило воспоминаніе объ этой рѣзкѣ куръ... И сейчасъ ей тяжело... Кровь для нихъ одно — для нея и ей подобныхъ совсѣмъ другое.

Съ какимъ восторгомъ разсказывалъ вошъ тотъ молодой солдатъ о томъ, какъ онъ штыкомъ закололъ городского и какъ у него изъ шеи кровь брызнула, какъ изъ свиньи. Сочувственно его слушала старушка и эта худая и болѣзненная жена теле-